

**Алексей
ХАЛЬЗУНОВ**

**НЕСБЫВШИЕСЯ
ПРОГУЛКИ**

Оренбургские
ПОЭТЫ

Алексей Анатольевич Хальзунов

родился в 1968 году в Оренбурге. После службы в армии поступил в 1988 году на исторический факультет Оренбургского педагогического института. Получив диплом, работал в образовательных учреждениях Оренбурга. С 1999 года – начальник пресс-службы Управления ФСИН России по Оренбургской области. Подполковник внутренней службы. Стихи публиковались в областных газетах, в альманахах «Башня» (Оренбург), «Под часами» (Смоленск), «Чаша круговая» (Екатеринбург). В 2003 году в серии «Автограф» вышла его книга стихов «Крестиконолики», в 2014-м – сборник стихотворений и поэм «Бездомные ангелы», за который он в том же году получил литературную премию имени П.И. Рычкова. Член Союза российских писателей.

АЛЕКСЕЙ ХАЛЬЗУНОВ

НЕСБЫВШИЕСЯ ПРОГУЛКИ

Стихотворения и поэма

Оренбург
2015

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
X 17

Эта книга издана при поддержке

Оренбургского регионального отделения
партии «Единая Россия»
(секретарь отделения – **И.Н. Сухарев**)

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
X 17

Алексей Хальзунов. Несбывшиеся прогулки.
Стихотворения и поэма. – Оренбург, 2015. – 88с.

- © Алексей Хальзунов, стихотворения и поэма, 2015 г.
- © Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, серия, 2015 г.

* * *

*Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Б. Пастернак

Однажды облако свело
дорогу с небом,
и все в округе замело
пушистым снегом.

Лишь в полночь сгнула метель,
но в звездной сини
зима расправила постель
с огнем в камине.

И до утра горел в глазах
огонь у ночи,
как будто что-то рассказать
хотел нам очень.

Не рассказал, трещал в печи,
и пел, и плакал.
А через крышу – дождь стучит
сквозь щели на пол.

К утру совсем растаял снег,
оставив лужи.
А нам казалось, что навек
он был нам нужен.

И с тихим шорохом затих
огонь в камине.
Что толку согреть двоих,
коль нет в помине

того предвестника зимы,
что был и не был?...
Ах, как обманывались мы
случайным снегом...

1983 г.

* * *

Разменивая жизнь на «чёт» и «нечет»,
добились мы согласия с судьбой.
Вокруг все говорят, что время – лечит.
Нет! Время просто притупляет боль.

Уже потом находим выход верный,
потом решенья нужные придут.
А совесть мерно капает на нервы,
преображаясь в Самый Высший Суд.

Разрушив стены и размазав грани,
пустышкой станут важные дела.
Как алкоголик истину в стакане,
мы ищем то, что жизнь недодала.

Минуя день, за утром – сразу вечер.
И снова в бой! Кому он нужен – бой?
Напрасно говорят, что время лечит.
Нет! Время только отдаляет боль...

1985 г.

* * *

Пусть время правду превращает в ложь...
Пусть лучшее пока еще не спето...
В моей судьбе когда-то было лето,
которого прекрасней не найдешь.

В нем было всё: дождя грибного шум,
туман густой на розовом рассвете.
Когда пытался я писать о лете –
то был в ту пору слишком глуп и юн.

Но память сохранит до мелочей
мой каждый вздох, мой каждый шаг на свете.
Я помню сны о юности, о лете.
Я помню лес, и поле, и ручей,

Я помню купол неба над рекою,
и нежность, что губами я ловил,
я помню ту, которую любил,
я помню ту, что нынче не со мною.

Пусть зазвучит многоголосый хор
симфонией бессмертной на планете.
Я попытался написать о лете –
не написав ни строчки до сих пор...

Да будет бесконечным каждый час
от позднего заката до рассвета.
Да будь благословенно это лето,
которое на миг связало нас...

1985 г.

Афган

Дембельская песня

Моему поколению...

Реальны только миражи.
Ты слышишь, мама?
Ведь я на свете этом жил
обидно мало.

Еще немного подожди –
и я с тобою.
Зачем кричит нам командир:
«Рота! К бою!..»?

Во фляге – лишь один глоток
воды горячей.
Ах, если б повернуть я мог
всю жизнь иначе,

тогда б нашел в горах родник
с водой живою
и не услышал этот крик:
«Рота! К бою!..»

Со мной – надежный автомат
и есть гранаты.
Но кто, скажите, виноват,
что мы – солдаты?

Что нам по жизни не пройти
вдвоем с тобою,
что ожидает впереди –
«Рота! К бою!..»?

Я обязательно вернусь –
письмом в конверте.
Нет, не подумай, не боюсь
я глупой смерти.

Обидно только, что земля
перевернется
и что внезапно для меня
погаснет солнце,

исчезнут в дымке города,
где был и не был.
В глазах открытых – навсегда –
застыло Небо...

1987 г.

* * *

Безвременью сопутствует безверье.
Утрата веры – пострашней, чем смерть.
Запреты сняты и открыты двери,
но вера не вернулась и на треть.

Истории крутые повороты
и страшных просветлений горький вкус...
Как верить тем, кто чуть ли не до рвоты
кричал еще вчера про «верный курс»,

Кто без конца с оттенками цинизма,
святое превращая в грязный фарс,
изгадивши идеи коммунизма,
теперь поет о равноправьи масс?

Мне скажут, что таких совсем немного.
Да не о них веду я, впрочем, речь.
Исчезла вера в Партию и Бога!
Не удалось нам ничего сберечь...

Безверию способствует бессилье.
Мне жалко тех, кто больше не поет.
Когда ломают между делом крылья –
не каждый устремится вновь в полет.

Забыты даты, имена забыты.
Ложь – не безвредней ядерных дождей.

Остались только мраморные плиты,
холопов превратившие в вождей.

Извилист Правды путь и очень труден.
У слов сегодня – вкус другой и вес.
Я думаю: когда же мы забудем
безликие слова с приставкой «без»?..

1987 г.

Королевство кривых зеркал

Рок на табуретках в казарме

Вместо улыбки – хищный оскал.
Вместо прохода – глухая стена.
Лишь в Королевстве кривых зеркал
я понял, какая у жизни цена.

Понял, где помнят меня и ждут,
понял, где любят слухам назло.
Все зеркала несомненно – врут,
только кривое не лжет стекло.

Зеркало это покажет вдруг,
где есть начало, а где – конец.
В нем подлецом отразится друг
и превратится в друга подлец.

В нем я нашел, что всю жизнь искал:
ответ на вопрос, что так мучил меня...
Лишь в Королевстве кривых зеркал
я понял, кем же родился я!

1987 г.

* * *

Мои года, как птицы, пронеслись.
Пока я слепо следовал пустому,
друзья мои по свету разбрелись,
любимая легко ушла к другому.

Там, где был след манящего огня,
одни лишь угли, остывая, тлели.

И силы вдруг оставили меня,
когда казалось – шаг один до цели.

Я стал другим. Моя ли в том вина,
что трудно с одиночеством смириться?
Из памяти исчезли имена
и позабылись дружеские лица.

Но я хочу, забыв утраты всей
ту пустоту, что непреодолима,
найти следы потерянных друзей,
во сне услышать тихий смех любимой...

1987 г.

Монолог актрисы

Сцена – словно Лобное место,
Каждый шаг – как миг ожидания.
Неужели им так интересно
вдруг поверить в мое страдание?

Неужели цветы – только плата,
крики «бис» – лишь аванс на удачу?
Я смеюсь перед вами и плачу,
словно в чем-то я виновата.

У артистов смешная натура –
доиграть и домыслить до точки.
А чужая нелепая шура –
только сердце в чужой оболочке

Представленьё актерского мира –
шум оваций, афиши, банкеты.
А заброшенная квартира?
Непрочитанные газеты?

И безумная наша работа?
И тоска без конца и без краю?
Я, играя, живу за кого-то,
и живу – словно тоже играю...

1987 г.

* * *

Когда уже не вмоготу
решать – кем был я или не был,
я в эту землю не уйду –
я стану облаком и небом.

С водой ручья навек сольюсь,
и понесет меня куда-то
за жизнь недолгую – оплата,
которую отдать боюсь.

На травах выступит роса,
Где воздух нежный пьян и сочен.
А звезды, как мои глаза,
на вас посмотрят среди ночи.

Там, где дожди круговорот
вершат свой на рассвете раннем,
вдруг легкий ветерок вздохнет
моим порывистым дыханьем.

Промчатся кони по лугам,
цветы копытами сбивая.
Я буду долго сниться вам,
о том и сам уже не зная.

Мой облик память сохранит,
пускай совсем не безупречно,
в печальном образе ракии,
в их непонятной грусти вечной.

Но если сил я не найду,
как прежде, жизнь писать стихами,
я в эту землю не уйду –
травинкой, но останусь с вами...

1987 г.

Разговор

Драматическая сцена

Каземат в Петропавловской крепости.
В комнате – граф Бенкендорф, Рылеев,
жандарм. Полукрасный свет.

Бенкендорф:

Один ответ на мой любой вопрос.
А в целом даже и ответа нету...

Рылеев:

Напоминает светскую беседу
мне наша встреча,
нежели допрос.
История покажет, кто был прав,
все по порядку взвесит и разложит,
и поменяет нас местами, граф.
Со мной вы не согласны?

Бенкендорф:

Что ж... Быть может...
Мне видится причиной неудач
вооруженный бунт –
вот шаг к несчастью...

Рылеев:

Когда Россией управлял палач,
могли б мы власть считать достойной властью?
Могли бы оставаться ни при чем
и уповать на милости кого-то?

Бенкендорф:

Монарха называя палачом,
не отдаете вы словам отчета...
Мечтанья ваши – детские игрушки,
сказать по правде...
Что же, буду прям!
Прошу, ответьте: Александр Пушкин...

Рылеев (поспешно):

Нет! Он идейно не был близок нам!

Бенкендорф:

Для слов моих найдется подтверждение.
Позвольте усомниться...
Ваш ответ...

Рылеев (с усмешкой):

Какие у поэта убеждения?

Бенкендорф:

Про вас я знаю, что и вы – поэт!

Оставив лиру, позабыв про музу,
изнежившую души наших дам,
вы приобщились к тайному союзу.
Так что же Пушкин?

Рылеев:

Нет! Он не был там!

Бенкендорф:

Досадно умирать...
А в ваши годы
бесславность смерти –
так и вовсе зря!

Рылеев:

Желали мы не славы, а свободы...

Бенкендорф:

Свободы?
Для России?
Без царя?
А управлять кто будет этой чернью?
Признайтесь, заблужденья не новы.

Рылеев:

Мы задержались – бьют часы вечерню.

Бенкендорф:

Не знал, что в Бога веруете вы.

Рылеев:

Нет! С богом нам давно не по пути.
Я верую в свободу!

Бенкендорф (жандарму):

Увести!
Но между нами, слово офицера,
чего ж добились действием вы своим?

Рылеев:

России не хватало Робеспьера.
И кто-то должен был назваться им...
(Уходит.)

Бенкендорф (один):

Как свет Господень отделить от тьмы?
Но, видно, в этом что-то все же есть,
когда отчизны лучшие умы
на карту ставят жизнь свою и честь?
Но бунт подавлен нами, слава богу!
Пожару мы не дали возгореть.
Однако искры долго будут тлеть,
другим безумцам осветив дорогу...

1987 г.

Монолог человека в камере смертников в ночь перед расстрелом

Я не верил в то,
что смерть на свете есть.
Мне сегодня –
только двадцать шесть.

Тенью за спиною –
прошлый мир.
Тенью за спиною –
конвоир.

Парень, не бери
на душу грех.
Я, как все, пытался
рваться вверх.

Только нет
бессмертия, похоже...
Не прямая – линия судьбы.
Падая и разбивая лбы,
мы стремимся
в неизбежность все же.

Знаю,
перед богом виноват.
Пять шагов вперед
и пять – назад.

Вспоминаю мамины глаза.
Жаль, что не успел поговорить.
Громом с неба в зал:
«Приговорить...»
Я уже не помню этот зал.

Страшно попадать
при жизни в ад.
Пять шагов вперед
и пять – назад.

Нары – не пуховая кровать.
Только мне нельзя сегодня спать.

Только мне нельзя ничем помочь.
И петлей сдавила горло ночь.

Страшно думать,
что я сам убыстрил
эту ночь, короткую,
как выстрел...

1988 г.

* * *

Я часто сам себе противоречу –
карая зло, бью часто и добро.
И сам порой к тому спешу навстречу,
кто нож готов воткнуть мне под ребро.

Я иногда себе напрасно лгу,
от странной боли ночью просыпаюсь.
Ненужное годами берегу.
От нужного избавиться стараюсь.

Я на вопросы не на все отвечаю.
Летаю лишь во сне – не наяву.
Я часто сам себе противоречу –
а значит, в общем, правильно живу...

1988 г.

Красавица

***Конкурсанткам конца 1980-х
посвящается...***

Словно из сказки,
подняв гордо голову,
девочка эта
шагает по городу.

Что она думает –
вас не касается.
Девочка эта –
сегодня красавица!

Да, настоящая!
Да, всеми признана!

В синих глазах – ничего
кроме вызова.

Что ей до лепета
про унижение?
Что ей до мамы
семейной истерики?

Цель лишь одна –
вызывать восхищение.
Русская мисс –
не чета мисс Америке!

Мини-бикини,
Губки накрашены.
Только, конечно,
все это не важное.

Важно, что, может,
не к сроку, не вовремя,
все ж оценили
и все-таки поняли.

Быть привлекательной –
жизнь настоящая!
Не упрекайте,
она ж не гулящая –

юная девочка
с русыми косами.
Не доставайте
пустыми вопросами.

Может быть,
к старости память останется?
Спросит когда-нибудь
внучка-красавица:

«Бабушка,
если родишься красивой –
то обязательно
станешь счастливой?»

Сразу сто принцев
рванутся навстречу?..»

Можно сейчас
за тебя я отвечу?

Пусть далека ты –
это неважно...
Быть привлекательной,
девочка, страшно!

Страшно, когда пожиная –
не сеют.
Страшно, когда не глядят,
а глазекют.

Страшно, когда не любятся –
пялятся
сальненьким взглядом,
как липкими пальцами.

Страшно, когда только тело
оценят
в бликах софитов
на праздничной сцене.

Страшно,
когда ухмыляются пошло.
Быть привлекательной –
страшно и сложно.

...Словно из сказки,
подняв гордо голову,
девочка эта
шагала по городу...

1988 г.

Мой бог

Мой бог был создан только для души.
Он – не икона в обрамленьи строгом.
Я в этой жизни столько не грешил,
чтоб за грехи ответить перед Богом.

Когда приходит карта – то играй,
а если нет – тогда играй тем паче!

Я сам себе придумал ад и рай,
я сам посты великие назначил.

Когда душа в крови или в слезах,
а может, день был бесполезно прожит,
я думал, что мой бог – в твоих глазах,
и что он мне наверняка поможет.

Но вот пришли иные времена,
мне к моему спешить не нужно дому,
в котором стала голою стена,
где твой портрет мне заменял икону.

Бывает, что напрасно тороплюсь,
что истин не могу простых понять я,
но и тогда на крест я не молюсь –
мой бог еще не дожил до распятия.

Не собирая с прихожан гроши,
во мне живет, пока я жив на свете,
Мой бог. Придуман только для души.
За каждый миг я перед ним в ответе.

1988 г.

Время

Человек стареет не с годами –
иногда состарить может час.
Скульптора холодными руками
время все равно коснется нас.

Рано ль, поздно – так ли это важно?
Не спастись от скульптора резца,
что колдует, пробует отважно
изменять и души, и сердца.

Просыпаюсь по ночам в испуге,
сам порой не зная, почему.
Может быть, талантливые руки
потянулись к сердцу моему?

И оно, хранившее веками
счастье встреч и горечи обид,
может быть, под этими руками,
необычный сразу примет вид?

Пусть давно не старости я трушу
(молодость не длится до конца).
Я боюсь, состарит время душу,
не коснувшись тела и лица...

1988 г.

Бог

Осознав, что проблем слишком много,
что от них просто воздуха нет,
люди сами придумали бога,
чтобы он защищал их от бед.

И молились они до упаду,
отбивая поклоны вовне,
зажигая ночами лампаду
под иконами на стене.

Бог был старцем – высоким и мудрым.
Ведь спасенье – его ремесло.
Но в пути, до безумия трудном,
людям с богом не слишком везло.

За делами земными своими
люди маялись в горестной мгле.
И служить стало божие имя
часто поводом к новой войне.

Одного не могу лишь понять я:
в трубном громе победных страстей
как могло вдохновлять нас распятие
убивать стариков и детей?

И все чаще являлись примеры,
как, укрывшись под тенью креста,
наживались святоши от веры,
позабыв бескорыстность Христа.

Сколько нас поседело до срока,
и молитва, увы, не спасла!
Как поверить в далекого бога,
наказать не сумевшего зла?

1988 г.

* * *

Когда-нибудь, устав от неизбежности коротких встреч и длительных разлук, впервые я подумаю о нежности и рук твоих коснусь губами вдруг.

Не захочу ни славы, ни признания, напасти все и горести стерплю, и, как мальчишка, попрошу свидания, и, точно в первый раз, скажу «люблю».

Не бойся, если вдруг тебе покажется: с тобою рядом я – совсем старик. Пойми, как трудно было мне отважиться шагнуть к тебе навстречу в этот миг.

И не сердись на резкий миг поспешности, и рук своих от губ не отними – ведь я впервые думаю о нежности и говорю впервые о любви...

1989 г.

* * *

Когда-нибудь я к вам вернусь другим – спокойным к боли, равнодушным к горю. Меня хотели видеть вы таким. Ну что же, я исполню вашу волю.

Я буду улыбаться без конца, шутить не едко и, углы срезая, оправдывать поступки подлеца, произносить слова, их смысл не зная...

Разборчив стану в тех, кого любить мне выпало в привычной канители, и научусь не напрягаясь жить – а значит, так, как вы того хотели.

Друзей своих старинных прогоню и Музу не пущу к себе под крышу. И постараюсь хоть сто раз на дню встречаться с теми, от кого завишу.

Тогда придут и слава, и почет,
Весь путь мой будет лаврами увенчан.
А прежние амбиции – не в счет:
все беды от иллюзий и от женщин.

Я научусь менять на вещи взгляд,
в кругах почти божественных вращаться...
Не дай мне бог таким прийти назад –
уж лучше никогда не возвращаться!..

1989 г.

* * *

Зарево осеннего пожара
потянуло ветром на восток.
Улыбаясь, ты в руке держала
золотой узорчатый листок.

Это жизни подступает вечер
после догорающего дня.
Зябко передергивая плечи,
ты глядишь спокойно на меня.

А в руке – листок прощальным эхом
наших бесшабашных прошлых дней.
Скоро снег пушистым легким мехом
закружится над судьбой моей.

Пусть Надежда с Верой замирают,
пусть отводим, торопясь, глаза...
Видишь, как спокойно догорают
легким светом дальние леса?

Все проходит. Это – неизбежно.
Мы сгораем в пафосном огне.
На листок упавший смотришь нежно,
думая, быть может, обо мне.

А листва летит, летит под ноги –
Миражам в угоду, куражу?
Как по неисхоженной дороге,
я сейчас из лета ухожу...

1989 г.

Баллада об аистах

Мы победам в шумных залах хлопаем
и не знаем, что ж нас ждет потом.
Аисты кружили над Чернобылем,
возвращаясь в брошенный свой дом.

Только дом радиоактивной пылью
был, как черным снегом, занесен.
Мы рождались сказки делать былью
и ответ за эту боль несем.

Репортажи шли по телевиденью.
Хронику прервав на пять минут,
диктор сообщил, что вновь над Припятью
аисты, как прежде, гнезда вьют.

Прилетали. Крыльями зубчатыми
воздух разрезали свысока
и кружили в небе над солдатами,
скованными в латы ОЗК*.

Сколько было счастья в том кружении.
Но солдаты не поднимут глаз,
ведь уже о птиц уничтожении
разработан штабом был приказ.

И, давая ход словам похабистым,
ненавидя и себя, и всех,
стиснув зубы, бил пацан по аистам,
на душу взвалив тяжелый грех.

Уверяли мудрые ученые,
взгляд свой отводя от ждущих глаз:
– Ты пойми, они же – обреченные.
Лучше всех их сразу. Всех, сейчас...

Падали на землю перья белые,
начиная в воздухе алеть...
Люди, люди! Что же мы наделали,
обрекая вечный мир на смерть?

И за звонких орденов вручение
чем сумеешь оправдаться ты,

* ОЗК – общевойсковой защитный комплект.

если под угрозой облучения –
дети, звери, травы и цветы?

Пусть дороги у судьбы ухабисты,
все же верю, думаю о том,
что вернуться непременно аисты
навсегда однажды в отчий дом...

1989 г.

Гадалка

Нагадала странную дорогу
в ледяной безумный желтый дом.
И, вселяя новую тревогу,
к ней любовь добавила потом.

Прошептала тихо: «Милый, верь мне –
лишь с друзьями обретешь врагов...»
И уже почти затих за дверью
легкий шум ее шальных шагов.

Погоди, лукавая колдунья,
мне судьбы неясной не пророчь!
Нагадай мне – верно ли живу я.
Не спеши исчезнуть в эту ночь.

Нагадай, что постарел я рано,
что мои тревоги – лишний груз.
Под гипнозом твоего обмана,
может быть, обратно я вернусь

к той, давно проплакавшей все очи,
к той, давно закрывшей свою дверь...
Ты о прошлом ворожи не очень –
говори о том, что есть теперь.

Но, вздохнув спокойно и устало,
мне она сказала тяжело:
«Никогда, мой милый, не гадала
я о том, что было, да прошло...»

Оглянулась около порога
и ушла, ни слова не сказав.

Дальняя – бубновая дорога...
Лживые – червовые глаза...

1989 г.

Одиночество

Одиночество – животное домашнее,
подкрадется и у ног твоих уляжется.
Пусть уж не тревожит боль вчерашняя,
пусть вчерашняя беда бедой не кажется...

Одиночество нашептывает истины,
заменяя холод снов стихами нежными,
то за окнами шуршит сухими листьями,
то гуляет по земле ветрами снежными,

то окрутит, словно зелье приворотное,
то исчезнет без следа, а то – покажется.
Одиночество – домашнее животное –
не отпустит ни на миг и не отвяжется...

1989 г.

Ненаписанные стихи

Ах, сколько я не написал
и сколько на потом оставил,
когда полжизни искромсал,
пугаясь непонятных правил.

Стихи рвались, в душе горя,
пытаясь вырваться на волю.
А я боялся, как огня,
наполнить мир своею болью.

А сколько я стихов не спас,
не сохранил от верной смерти?
Подальше спрятав их от глаз,
произносил: «Уймьтесь, черти!»

Они же – порох. Только тронь –
спалят, и разговор недолгий!
Честней бросать стихи в огонь,
чем прятать их на книжной полке.

Теперь ночами – хоть умри:
все пусто, немощно и бледно...
Не возвращаются они –
навек ушедшие бесследно.

И мысли нужные – пока –
не лезут в мозг, как пчелы в улей.
И обрывается строка
внезапной точкой, словно пулей...

1990 г.

Грустное пророчество

Как представлю последнее шествие –
от тоски закушу губу.
Я, наверное, очень торжественно
буду выглядеть, лежа в гробу.

И от любящих женщин плача
стану, словно в размерах уменьшен.
Только вот ведь еще незадача –
много ль будет любящих женщин?

Да и те, кто придут, наверное,
скромно встанут в сторонке рыдая.
Вот, вздохнув, закручинилась первая,
вот застыла рядом вторая.

Чтобы не было в доме грусти
по такому нелепому поводу,
третью просто муж не отпустит
на мои печальные проводы.

Впрочем, лучше б пришли с мужьями
(было наше знакомство отсрочено...),
чтоб все видели – между нами
все давно безвозвратно кончено.

Надо мной наклонясь стыдливо,
в лоб целуют, как прежде в губы.
И отстонут неторопливо
ко всему привычные трубы.

Даже тени не будет смелости
на лице моем равнодушном.
Я впервые забуду о ревности,
стану мягким, пушистым, послушным.

Не обижу случайным словом,
удивить не сумею чудачеством.
И, наверно, понравлюсь новым,
неизвестным доселе качеством.

Между адом и раем курсируя,
обрету мимолетность баланса.
И картавя, и чуть грассируя,
закружусь в подобии вальса.

А потом почти что над ухом,
уронив горсти в яму готовую,
скажет друг: «Земля ему – пухом...»,
и потопают все в столовую.

Мне ж теперь до второго пришествия
не гневить, не пытаться судьбу.
Как представляю последнее шествие –
от тоски закушу губу...

1990 г.

* * *

Волосы, как лен.
Неба – бирюза.
Я ведь был влюблен
в серые глаза.

Но замкнулся круг.
Все теперь не так.
Не понять – где друг?
Не понять – где враг?

Ничего взамен –
только пустота.
Жизнь без перемен –
Право, маета.

Оборвется нить,
нет пути назад.

Я бы полюбить
был бы, право, рад.

Но огонь погас.
В этом чья вина?
Память серых глаз
и бокал вина.

Но забуду вдруг
ссоры, как пустяк,
и пойму, кто – друг,
и найду, кто – враг...

1990 г.

Зеркала

Слезами с веток капала смола,
окаменев в стремительном падении.
И тускло отражали зеркала
не нас с тобой, а только наши тени.

Мерцали свечи плавно по углам,
и страсть по телу пробегала дрожью.
Давай же врать не будем зеркалам,
чтоб нам они не отплатили ложью.

Я запредельность в нашу ночь постиг,
и оттого стучало сердце глуше –
нас могут зеркала состарить вмиг,
в отображенье искажая души.

Мне было страшно заглянуть в овал,
в котором тусклый блеск скрывала пропасть.
Я долго жил среди кривых зеркал,
не замечая ни обман, ни подлость.

Нам эта ночь вернула все сполна,
нас эта ночь за все грехи простила.
Я верю, что кривые зеркала
когда-нибудь затянет паутина...

1991 г.

Вдохновение

Если нет вдохновения...
Подожди, не спеши
чистый лист замарать
второпях чем попало.
Вдохновение –
это частица души!
Было только сейчас,
но куда-то пропало...

От одной сигареты –
другую пали
и часами смотри
в потолок безучастно.
Вдохновение –
это частица любви,
без которой любовь
и пуста, и несчастна.

Если нет вдохновенья...
Такая беда...
Где слова отыскать мне,
до боли простые?
Состоит вдохновенье
из искры и льда.
То внезапно сверкнет,
то надолго застынет...

1992 г.

Сердце на ладони

Сколько лет потерял я за призрачным счастьем
в погоне,
сколько раз понимал, что живу и пишу я не так.
Посмотри, мое сердце – лежит у тебя на ладони.
Не сжимай же дрожащие пальцы в упругий кулак!

Сколько крови своей отдавал я другим без обмана.
Сколько раз восстаивал против наглой
и подленькой лжи.
Не храни мое сердце в бездонном провале кармана –
как снежинку его на ладонь на свою положи.

А потом – пусть с другим – улыбнешься
во сне виновато
и улыбку свою пронесешь до последнего дня.
Это сердце мое, это сердце, живое когда-то,
будет вечно болеть, будет вечно любить за меня...

1993 г.

Сказка о Свободе

Восьмому году перестройки посвящается...

С гордой думой о человечестве
люди, разные по профессии,
в несвободном своем отечестве
о приходе Свободы грезили.

И пошли демонстрации – митинги,
день и ночь продолжались прения,
где еще вчерашние «винтики»
смело спорили до отупения.

Там, где стиль выправляли бомжатники,
где развенчаны были лозунги,
люди, тонкие, как бумажники,
о Свободе кричали – не поздно ли?

Как она воцарится дворянкою,
всех порадует сытой утробой.
А Свобода пришла – оборванкою,
с посошком и дырявой торбою...

1993 г.

Святая ложь

Когда и слов, пожалуй, не найдешь
для объяснения мыслей и событий,
к тебе придет спасительная ложь –
великое из всех земных открытий.

Не ощущая в ней ни капли зла,
себя утешим мыслию простою,
что, может быть, кого-то и спасла
та ложь, что называется святою.

Приятно видеть, что опять – покой
в глазах того, кто был тобой обманут.
Боюсь я, что неправдою святой
когда-нибудь и попрекать не станут.

Ведь всё во благо. Ложью, но спаси.
Не дай погибнуть огоньку от бури.
Святая ложь привычна для Руси.
Где мы игрой с враньем так перегнули?

Когда солгут тебе – ты сам поймешь
и испытаешь стыд, прозрев однажды,
что ложь святая – это просто ложь,
родник, но не спасающий от жажды...

1993 г.

* * *

Можно допеть до оваций,
можно дожить до седин,
можно счастливым казаться,
если всегда один.

Если никто не понял,
если зачат во зле,
если еще не помер,
но погребен в земле.

Можно прожить до края,
можно рубить сплеча,
можно дойти до рая,
но не найти ключа.

Можно навесить перья,
но не взлететь на них,
можно писать, немея
от строчек горьких своих.

Можно шагнуть по карнизу
и не сорваться скользя...
Только в бессмертие визу
выправить нам нельзя...

1993 г.

Миражи

Расскажи мне о себе, Расскажи...
Не таи в душе обид, не таи...
Слишком часто могут нам миражи
подменять собою сказку любви.

Словно нанятый, виляй и кружись,
одного себя за это вина.
Миражами переполнилась жизнь
от рожденья до последнего дня.

А по сердцу – пустота, как ножом!
И от вечности отрублена треть!
Чтоб когда-то лишь пустым миражом
мне привиделись разлука и смерть.

Расскажи мне о себе, Расскажи,
не расценивая просьбу как блажь...
Слишком страшно, если долгую жизнь
подменяет бесполезный мираж...

1999 г.

* * *

В каком-нибудь две тысячи восьмом
я в ваши руки упаду письмом
в обычном маркированном конверте.
И легкой дымкой нереальных снов
вас озарит поток воздушных слов,
написанных за пару лет до смерти...

Подумать только – через пару лет
вы вскрыете подброшенный конверт
и, разорвав, уроните у кресла.
И в ваши повседневные дела
войдет любовь, что все-таки была,
а может даже, и сейчас воскресла.

Подумать только – через пару лет...
В каком-нибудь две тысячи восьмом...

2006 г.

* * *

Снегопаду в апреле...

Не отыщется вовек днем с огнем
объяснения земным чудесам.
Перепутал Бог апрель с январем
и, наверное, расстроился сам.

И, наверное, грустит сам не свой
на крылечке у небесных перил,
вспомнив вдруг, что не зимой, а весной
он тебя мне, словно сон, подарил.

2009 г.

* * *

Не хочу похорон,
чтоб поминки справляли в столовке!
Пусть бесстрастно Харон
до конечной везет остановки...

Он на службе угрюм.
Свет дрожит на щеках его бледных.
За спиной – полный трюм
наших душ, как всегда, безбилетных...

Туча черных ворон,
серых скал ледяные торосы.
Ткнется в берег паром –
мы на сушу сойдем, как матросы.

Здравствуй, новый причал!
Вот и свиделись, как на картине.
Я о вас бы скучал,
находясь девять дней в карантине.

А потом, не спеша,
потому что нельзя по-иному,
потянулась б душа
от бессмертия к старому дому.

Не хочу похорон...

2010 г.

Современный Фауст

Где та находится черта,
где точка вечного отсчета?
Я вдруг, представьте, встретил черта,
в него не веря ни черта.

Он был безрог и даже лыс,
он был манерен и гламурен.
Когда бы я внезапно умер,
от горя б ногти он не сгрыз.

Он мне сказал: «Пойми, сынок,
жизнь вся из фальши и подделок...»
На эту странную из сделок
смотрел из куш, конечно, Бог.

«Не говорю, что ты – дебил...
Досадна доля для дебила...
Любил?» – «Наверное, любил...» -
«А вот она тебя любила?»

Ты весь – в наивной суете,
напрасно маешься, бездельник.
Кого сегодня больше денег
иные любят? Да и те

предпочитают только тело.
А тело тленно, черт возьми!
Продажна власть. Продажны СМИ.
А мы им верим оголтело!

Был славный доктор у меня.
Теперь-то тайну не нарушу.
Я взял пустяк – всего лишь душу!
А что душа, сыночек, мля...

Зато какая благодать –
с деньгами дальше мы уедем.
Без денег баба – просто б...ь.
А вот с баблом – не б...ь, а леди.

Не мучай душу изнутри,
халявность – истинность расчета.
Вокруг себя ты посмотри –
кого-то, кто-то и за что-то...

Другой отыщется чужак,
постель считающий любовью.
А расписаться алой кровью
не просто так, не просто так...

Ты что-то там писал про смерть?
Наивна ветреность поэта.
Пиши про все, но не про это.
Нельзя про это подсмотреть.

Нас держит тоненькая нить.
Но в ухо заложил берушу.
Любить – не значит говорить.
Молчанием спасаешь душу...»

Он домогался до крови.
Он тормозил меня, затайник.
Я понял вдруг: любовь без денег
в наш век – отсутствие любви!

Он умирал и воскресал.
Он говорил о благах споро.
Я б взял – и тотчас подписал,
но нету бланков договора.

Он из копытца лил вино,
промолвив с грустью человека:
«Все бланки кончились давно,
уже, пожалуй, больше века...

А типографская тщета
свербит наличностью расчета!»
Не дай же Бог такого черта,
в него не веря ни черта!

2013 г.

Поэзия

А она ходила по краю.
Край был острый, она – босая.
А она ходила по краю,
от паденья меня спасая.

А она во мне находила,
что могу сорваться и спиться.
И ходила вокруг, ходила,
не пугаясь сама оступиться.

А она – все от ада к раю,
а потом по новой – обратно.
Для чего она ходит по краю,
было даже мне непонятно.

Непонятным было движенье
на баланса тоненькой грани.
Только в зеркале отраженье
и остатки вина в бокале.

Жизнь по-новой переиграю,
не печалюсь, не раскисая.
А она все ходит по краю.
Край как бритва. Она – босая...

2013 г.

* * *

На перепутье слёз
надежда не угасла.
Шагнет же Берлиоз
на Аннушкино масло.

Ах, если б и кабы!
Любовь ополовиня,
три карты – три судьбы –
протянет вам графиня.

Наполненный стакан –
предтеча разговора.
Стою, как истукан,
пред взором Командора.

Пройдут, сквозь сны скользя,
истории приметы.
Но пальчиком грозят
маститые поэты.

И приговор их сух:
Бесспорно, графоманство.

Но не подводит слух
наличие пространства.

И в шутку, и всерьез
все было не напрасно...
Шагнул же Берлиоз
на Аннушкино масло...

2013 г.

* * *

А браги больше нет –
а было до краев!
И пишет мой портрет
монах Андрей Рублев.

Но что-то всё не так,
в глазах его – тоска.
Не впитывает лак
дубовая доска.

Под купол голубой
напрасно не зови.
Свидание с другой –
у Спаса-на-Крови!

У Бога – вечный клёв!
Какая в том корысть?
Монах Андрей Рублев
в сердцах отбросит кисть...

2013 г.

Марш погибших танкистов

*Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда прикажет нам товарищ Сталин
И Ворошилов в бой нас поведет!*

Борис Ласкин.

«Марш советских танкистов»

Через огонь и дым густой –
в броне, без кожи –
мы катим к Богу на постой.
Встречай нас, Боже!

Пускай архангел Михаил
заполнит бланки
на тех, кто жизнь недолюбил, –
сгоревших в танке.

По небу гусениц следы.
Отставить – пропуск!
Мы едем в райские сады,
в бессрочный отпуск.

Попали души в невода –
ушли без шума...
Нам было весело тогда –
за час до штурма.

Теперь вернуться не посметь
в покой вчерашний
из дня, где с крыш плевала смерть
свинцом на башни.

Прорвемся проливным дождем
к любимым нашим,
пока по облаку идем
походным маршем.

Вам, кто еще не воевал
в год високосный,
не рассказать нам, как Цхинвал
похож на Грозный!

Утрите слезы у невест –
пусть помнят тоже –
на всех у Бога хватит мест...
Спаси вас, Боже!

2013 г.

Политкорректность

Политкорректность чую, как вину,
за то, что из обоймы общей выпал.
Пускай я сам не выбирал страну –
Бог за меня себе доверил выбор.

Пусть стаями озлобленных волчат
который год, в реке не видя брода,
протестные сторонники кричат
о гибели российского народа.

Но время все расставит по местам,
устав от реваншизма и нацизма.
И станут и Чечня, и Дагестан
лишь Меккою российского туризма!

Оплачены путевки по цене,
несоизмерной с толщиной карманов.
Храни Господь сгоревших на броне
среди низин и горных перевалов.

Храни Господь их жен и их детей,
не дай же нам забыть про их могилы
в безумный век безумных скоростей
и вразуми, чтоб сохранились силы.

Я зерна сам от плевел отберу,
и правду сам я отличу от сплетен.
Пускай я сам не выбирал страну,
но почему я был политкорректен?

2013 г.

* * *

Измочалены, как купюры,
в века жадных и липких лапах.
Бабы – стервы и бабы – дуры!
Только что же мы все о бабах?

Не дарила судьба излишеств –
лишь гуляла дубинкой по шкурам.
Но, как прежде, становимся ближе
бабам – стервам и бабам – дурам.

И из всех известных чудачеств
(уж такая у нас натура)
выбираем из множества качеств,
если – стерва и если – дура.

На гримасы судьбы не ропщем,
счет ведем по вторым и первым.

Где-то есть и умней, и проще,
ну а мы – всё по дурам и стервам...

2013 г.

* * *

Олегу Теплякову

Тоскою душу ли свело
по неисхоженным дорогам?
Уеду в Царское Село
на встречу с осенью и Богом...

Мной не изучен дивный сад,
но так же в памяти лелеем.
Пройдусь, как много лет назад,
один по пушкинским аллеям.

Я этой осенью разбит,
но вижу наше с нею сходство,
когда огромный парк грустит
от ощущения сиротства.

Здесь все прозрачно, снег и грязь,
и оттого особо жалко,
что на бумагу пролилась
слезою безысходность парка.

Нам продержаться до весны,
чтоб очарованным апрелем,
опережая явь и сны,
бродить по пушкинским аллеям.

Пока еще не рассвело,
есть время на свиданье с Богом...

Тоскою душу ли свело
по неисхоженным дорогам?..

2013 г.

Сентиментальное танго

Уже по полочкам давно
судьба расставила желанья,
воды немало утекло,
прошло немало лет и зим.
Дышу в морозное стекло
в пустынном зале ожидания,
но как в замедленном кино
снежинки падают за ним.

А я кричу тебе: «Забудь»!
Ты жизни книгу пролистаешь,
но не найдешь в ней все равно
про нас написанной главы.
И я прошу тебя: «Забудь!»
Ты снежным облаком растаешь,
что пролетело надо мной,
но не коснулось головы...

Затерты вечные слова
чужими нежными устами,
болит с похмелья голова,
а сердце больше не болит.
Но как же ты была права,
права и в целом, и местами
в том, что судьба подобрала
не тот для книги алфавит.

А я кричу тебе: «Забудь»!
Ты жизни книгу пролистаешь,
но не найдешь в ней все равно
про нас написанной главы.
И я прошу тебя: «Забудь!»
Ты снежным облаком растаешь,
что пролетело надо мной,
но не коснулось головы...

Кому – восход, кому – закат.
Все предназначенное – свыше.
Уже который день подряд
дожди со снегом да туман.
И я прошу тебя: «Забудь».
Ведь кто-то где-то рядом пишет,
расставив знаки наугад,
ваш удивительный роман!

А я пишу тебе: «Забудь»!
А я прошу тебя: «Забудь!»
А я шепчу тебе: «Забудь...»

2013 г.

Посвящения друзьям-поэтам

1. Завещание

Вячеславу Моисееву

Похороните меня на краю городского кладбища,
на том участке, куда не доходят автобусы.
Чтобы старый могильщик долго морщил лоб,
вспоминая...

Чтобы все паспортные службы
сбивались с ног, отыскивая мое имя в реестрах.
Чтобы бабушки, продающие искусственные цветы,
не могли объяснить, где же лежит
этот странный поэт,
которого вдруг бросились искать все девчонки и
мальчишки – из будущего...
Бабушки знают лишь собственных внуков...

Похороните меня в оренбургской степи,
от любви к которой я и умер.
Памятники – вздор, лучше поставьте крест
из дерева,
который не сможет сожрать жук-короед,
а если и попробует сожрать – подавится.
Кому-то и память – костью в горле...

Похороните меня там, куда смогли бы добраться
женщины,
действительно когда-то любившие меня.
Это же, право, не повод,
чтобы в российской словесности
появились новые правила,
из-за которых мне будет неудобно перед сыном
и его друзьями,
если вдруг эти правила лягут
в основу учебников литературы.
Новое – не всегда забытое старое...

Похороните меня без славословий и фарисейства,
чтобы, представ пред ликом Господа,
я мог бы ответить за все написанные строчки.
А если понадобится, их подредактировал.
Лишь для памяти невозможно редаKTура...

10 декабря 2013 года

2. Бездельник

Сергею Хомутову

Наша лень была для жен в гнев и в радость:
мол, гвоздя не можем вбить, мусор вынести.
Но из строчек жестких наших крикнет слабость
обреченностью мелькнуть до шестидесяти.

Ведь не надо б двадцать шесть – не до Лермонтова,
но испачкавши присутствием учебники,
не извели б любовь болью Вертовой,
не полезли б в глашатаи-волшебники.

Но когда стихи цитируют без повода,
понимаешь, что душа – не под тельником.
Не мои ли строчки были словом Господа,
не меня ли он назначил бездельником?..

2 января 2014 года

3. Многоточия

Виталию Молчанову

На плечики набросим мундиры полковничьи,
пусть себе позвякивают бронзою медалей.
Мы с тобою загнанные, а отнюдь не гончие.
Этой привилегии нам не дали...

Пусть друзья бранят меня за многоточия,
но от недосказанности спасут едва ли.
Мы прекрасно знали, что не мы – гончие,
что другие гончими вдруг стали.

Ну а нам, загнанным, – вечность напророчена,
лишь до мига выстрела, до головокружения.
Белый снег поэзии – ад ли мой, вотчина?
Или просто загнанности продолжение?..

6 января 2014 года

Сага

Свою боль, как вино, допью,
рассчитаюсь и выброшу счет.
Я тебя давно не люблю,
но, как в прошлом, хочу ещё.

Нашей встречи пустой мираж
не расплавит огонь любви.
Так бросаются на бордаж,
в море встретившись, корабли.

И напрасно ты слез не лей,
в жизни правило лишь одно:
победителя ждет трофей,
проигравшего – путь на дно.

Заколдованы до ресниц,
распахнутся твои глаза.
Мы с тобою бумажных птиц
запустили в безлюдный зал.

На последнем ряду в кино
память грешную отпущу.
Я тебя не люблю давно,
но, как в прошлом, тебя ищу.

Свою боль, как вино, допью,
вновь доверюсь слепой судьбе.
Я тебя давно не люблю,
но, как в прошлом, тянусь к тебе...

2014 г.

* * *

*Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит – так и пишет,
Не стараясь угодить...*

Б. Окуджав

Ты об этом и слушать не хочешь, верно,
что пишу легко и дышится вольно...
Если женщина предает – это скверно,
но проходит год – и почти не больно...

Остаются друзья, остаются песни,
остаётся надежда на берег дальний.
У предательства, как у любой болезни, –
два исхода. Один – летальный...

А летальный так, как положено свыше,
то ли гробом в землю, то ли в стену урной.
Пишем так, как дышим, а дышим, как слышим, –
в этом-то и подвиг литературный.

И пускай затасканы слова Булата,
но без промедления, без оглядки
я оставил бы все, что писал когда-то
своим прошлым девочкам в школьной тетрадке.

Пролететь бы Карлсоном по тихим крышам,
зацепив пропеллером антенны невольно.
Но писать, как дышим. А дышать, как слышим.
Лишь тогда от предательств будет не больно!

2014 г.

Святки

Лишь слегка поелозив,
чтоб убыстрить свой бег,
санки гранью полозьев
делят натрое снег.

Я на них слишком гордо,
все ангины поправ,
прячу красную морду
в теплый бабушкин шарф.

Я не знаю, не знаю
о любви и стихах.
Я беспомощно таю
комом снега в руках.

Я качусь очумело,
я плыву и плыву,
озираюсь несмело
и пока что не вру.

Не бегу без оглядки
и не знаю хлопот.
Помню только, что Святки...
Да вот вспомню ли год?..

2014 г.

Книга

Вячеславу Моисееву

Я пишу целый день. Только лучше не пишется.
Сколько правильных мыслей извел за сегодня я.
На столе белым облаком тонкая книжица –
мой исход, мой итог и моя преисподняя.

Счет ночам не веду, что нелепо потрачены
за рифмовкою строк, ставших книжными верстками.
Сколько робких надежд, сколько всяческой всячины
разлетелось по свету всего лишь набросками.

Ритуал завершая, поставлена ижица.
Снова вывернул душу, как нищий исподнее.
На столе белым парусом – тонкая книжица –
мой исход, мой итог и моя преисподняя...

2014 г.

Баллада об упущенном мгновении

*Ей давно не спалось в доме деревянном.
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновенье чудном
Голоском еле слышным, дыханьем трудным.*

Павел Антокольский.

«Баллада о чудном мгновении»

Безумья, взлеты и паденье
чернильной подсыхали вязью,
но «мимолетное виденье»
осталось мимолетной связью.

И так свой век окончить разню
на неулыбчивой планете:
ей – угасавшей от маразма,
ему – убитому «во цвете»...

Всего одно стихотворенье
из сердца вырвется спонтанно.
«Я помню чудное мгновенье...»,
а дальше только выдох – Анна!

Заносит время на скрижали
напрасных встреч пустые миги.
Ведь не от тех детей рожали,
ведь не о том писали книги.

Она живет в глуши под Тверью,
года считая до столетья.
Он, уходя, не хлопнул дверью,
напротив – дверь открыл в бессмертье.

А что нам ждать от жизни длинной,
каких неслыханных развязок?
Не тех ли, нянькою Ариной
в младенчестве напетых сказок?..

За поколеньем поколеньем
твердит почти что от рожденья
про это «чудное мгновенье»,
про «мимолетное виденье».

Сдуваем с прошлого пылинки,
но лягут в вечность не напрасно
из волшебства мелодий Глинки –
слова бессмертного романа...

2014 г.

* * *

Не в сомнениях суть, а в дарованном
временем опыте.
Через тысячу дней, пролетевших
над миром мгновенно,
вспоминаю о том, как безоблачно жили мы в городе
нашей первой любви, привыкая к нему постепенно.

Был тот город похож на рисунки далекого детства,
где кварталы венчали воздушные нежные замки.
И как будто актеры, в предчувствии нового действия,
мы ловили из будки суфлерской слова и ремарки.

Текст знаком наизусть. Не сорваться бы только
до фальши.
Слишком часто судьба ставит пьесу, молитвам
не внемля.
Мы, гуляя с тобой, уходили все дальше и дальше
от воздушных дворцов, опускаясь
на грешную землю.

Я уйду в свете рамп, вы потом меня вряд ли
и вспомните.
Даже вечное в мире – всегда, без сомнения, тленно.
Не в сомнениях суть, а в дарованном
временем опыте,
что, оставив свой след,
исчезает из душ постепенно...

2014 г.

Питер

Документальный фильм

Петербург! Я еще не хочу умирать!
Осип Мандельштам

Я не плачу. Все слезы вытер
ветер странствий.
Титр: «Здравствуй, далекий Питер –
рай мой, здравствуй»!

То ли снегом, то ли грозою
встретишь печально.
Я же сердце свое раскрою
твоим причалам.

Над Невой, по каналам –
ветер резок.
Я ищу по старинным храмам
тени фресок.

Люди плавно текут, как реки,
по проспектам.
Люди счастливы – имяреки
твоим респектам.

Я же брошен в дворов колодцы,
словно нищий.

И смеется сквозь тучи солнце:
«Ты здесь – лишний!»

Я здесь был и в жару, и в стужу.
Я ль случайный,
раздаривший стихи и душу
твоим причалам?

Часовой поменяю пояс,
и сквозь вьюгу
повезет меня скорый поезд
к Оренбургу.

Мне не грустно. Я увидел,
как на плечи
положили Атланты Питер.
Титр: «До встречи...»

2014 г.

Снежная королева

Маринке

Не касайся, мой мальчик,
нигде, никогда
кромки странного льда,
кромки ломкого льда.
Там, где Герда
для брата стелила постель,
улетает
сказкой метель.

Только Герда для Кая
смогла бы решить,
как до звездного рая
им выпадет жить.
Но по снегу полозья
метнулись в полет,
белым мифом
отбросив лед.

Не касайся, мой мальчик,
нигде и никак
вечных прошлых обманов
и призрачных врак.

Чтоб от трона вдали
твое сердце спасла
светом нежной любви –
сестра!

2014 г.

* * *

Я читал стихи дуракам,
потому что сам был дурак,
ночью шлявшийся по кабакам,
ночью видевший все не так.

И смеялись они незло,
и давали детишкам попкорн.
Мне, наверное, повезло,
оттого что я был не горд.

Что ложились строчки мои
не на души – на тени душ.
Что безверие нелюбви
было родственно им к тому ж.

Не ходивший в ночной бедлам,
но в бедламе, набравшись в дым,
я читал стихи дуракам,
чтоб себя ощутить молодым...

2014 г.

Марина Цветаева

*Была б жива Цветаева,
пошел бы в ноги кланяться,
пускай она седая
и в самом старом платъице.*
Леонид Губанов

Запасусь не розою – бутылочкой,
и в любовь, как будто в омут, кану я.
Мне б гулять с красавицей Мариночкой
вечерком июльским да над Камою.

Собирали б галечки прибрежные,
рыб пугая радужными блестками...
А душа жила б одной надеждою –
здесь пройтись с Мариночкиной тезкою!

Пусть волна слезой омоет камушки,
пусть рванется неземное – пенное!
Мне она давно годится в бабушки,
но не дело в возрасте, наверное.

А судьба поигрывала четками,
выбирая: либо ли – не либо,
там, где над курсисточкиной челкою
проступало очертанье нимба.

А над Камой облака, как струги,
проплывут от дали и до дали.
Я бы сжег все кузницы в округе,
чтобы только гвозди не ковали!

Кем останусь? Слухом ли – былиною?
В вечность упаду ли, в землю кану ли?
Мне б пройтись с седеющей Мариною
вечерком июльским да над Камою...

2014 г.

Сто лет одиночества

Никому не нужное творчество –
чужие картины по стенам висят.
Мне не нужно ста лет одиночества –
я их выбрал за пятьдесят.

Женщины предавшие постарели,
им изменяют новые мужья.
И новые песни поют менестрели,
слова губами жуя.

Сто лет одиночества лягут в основу
чьих-то наивных грез.
Я доверять привык только слову –
и то не всегда всерьез.

Сто лет одиночества впитают книги
среди интервалов слов.
Сто лет одиночества – вериги
для таких, как и я, – ослов.

Сто лет одиночества канут в Лету,
для коей сто лет – пустяк.
Для коей любви и надежды нету,
И все мы у нее в гостях.

Сто лет одиночества – лишь минута,
коей наказаны все
за ожидание почему-то
на взлетной стоять полосе...

Ты знаешь, наплевав на все пророчества,
на игры юных бесят,
я не боюсь ста лет одиночества –
я их выбрал за пятьдесят!

2014 г.

Лилечка

Владимиру Маяковскому

Улыбайтесь глазами,
лбы наморща,
новому времени
дайте отчет.
Где-то забеременела
березовая роща.
А
что ещё?

Я иду мимо вас
то – нежный,
то – грубый,
собственное сердце
зажав в горстях.
Не целую ваши
глаза и губы –
иссяк!

Бог одним даст –
дачу в шесть соток,
а другим – небо
и крылья.
Помню одну
из всех красоток –
звали которую
Лиля!

Я ее пестовал,
я ее выпестовал,
сердце изъев,
как чернослив.
Если бы только
не этот выстрел,
был бы тогда
я счастлив?

Прости, Есенин,
ложь мою наглуго
на твои последние
всхлип и вздох.
Как и ты, сегодня
я падаю, падаю
в обреченность
предсмертных слов.

Если поэтам
даются крылья –
ангелы меркнут
пред этим действием.
Если еще ты меня слышишь,
Лиля,
наше прошлое
было детством.

Мы – убогие.
Наша любовь – половинная.
Но если где-то
смогу, словами играючи,
объяснить,
что ты – для меня любимая,
то, значит, сумел
от рая найти ключи.

Боже правый,
даруй мне последний вздох
на какой-нибудь,
грязной площади.
Я не умер –
я онемел и оглох...
И оттого
мне милее лошади...

2014 г.

Письма

Письма можно не жечь.
Удаляем из почты – и всё –
безвозвратно!

Слов напрасная желчь
никогда не вернется обратно...

Не вернутся назад
нашей юности сладкие ночи.

Спросишь:

– Этому рад?

– Рад, – отвечу.

Но все же не очень...

Тайны новых ночей.
Ты устала и выглядишь сонной.
Ты уснешь на плече
у другого...

И это резонно.

Позабить бы пора....
Но забыть отчего-то не вправе.
Все, что было, –
игра!
А спасение – в горькой отраве.

Нам по памяти плыть,
отбиваясь от правды куражно.
Что там: быть иль не быть?
Только быть –
до безумия страшно!

Письма можно бы сжечь,
чтоб не тлели обвалом бумажным.
Только где ж эта печь
между завтрашним днем и вчерашним?

2014 г.

* * *

Е.М.

Знаешь, девочка, только в бреду –
да и то через тысячи верст –
я бы смог разглядеть,

где сплетаются тени вселенских дорог.
От Москвы до Урала
судьбой переброшенный мост
познакомил с ночным Оренбургом
ночной Таганрог.

Веришь, девочка, мне на предел,
напоследок, на край,
на мою бесполезную веру
в реальности сна
не оставит на выигрыш шанса,
как ты ни играй,
пред моею провинцией
ваша глухая Москва.

Слушай, девочка, я не ушел
и пока не уйду,
чтоб мне вслед ни кричали:
мол, Бог – вот, а вот, мол, порог.
Не случайно Всевышний
на радость мою и беду
познакомил с ночным Оренбургом
ночной Таганрог...

2014 г.

* * *

Вот и представьте, люди, как я был опечален,
как по чистым страницам бежала моя строка.
Это все было в прошлом, было в самом начале,
памятью – неизбежной, словом – издалека.

Вспомните, как однажды я опоздал на поезд,
как у кассирши клянчил новый себе билет,
как перебрасывал строчки, словно на новую повесть,
где на сюжет рассказа – даже намек нет.

Вот и стою перед кассой – руки мои в мандраже.
Или, по старым правилам, все-таки в мандраже?
Кто же допишет повесть? Кто про меня расскажет?
Может быть, этот автор умер давно уже...

2014 г.

* * *

Е.М.

Я – недоступен, а значит – понятен.
Даже шучу как-то слишком серьезно.
Сколько на свете еще белых пятен.
Надо бы раньше.

Встретились поздно.

В раю – перерыв. Ничего не поделатъ.
Небо над нами застыло беззвездно.
Ангелы просто ушли пообедать.
Надо бы раньше.

Встретились поздно.

Вот и часы уже полночь пробили.
И на душе стало как-то морозно.
Как бы друг друга с тобой мы любили!
Надо бы раньше.

Встретились поздно.

Аэропортам, причалам, вокзалам
нас не свести ни случайно, ни слезно.
Все бы случилось. Да дело за малым:
надо бы раньше –

встретились поздно!..

2014 г.

Тридцать лет спустя

Блюз

*У женщины этой знакомое имя.
С глазами твоими, с губами твоими,
стоит – удивление изображая.
Она – это ты. Только очень чужая...*

Из очень старых стихов

1.

Моя душа – насквозь,
как парк осенний днем,
где слышен каждый звук
от шороха до хруста,
где листья тополей
давно горят огнем.
Моя душа – как парк,
где холодно и пусто.

И ни к чему грешить,
и незачем спешить,
когда из всех утех
нас ложе ждет Прокруста.
Но проще умереть,
чем, умирая, жить.
Моя душа – как парк,
где холодно и пусто.

Забьем на все, забьем.
Чем реже полумрак,
тем чаще и слова
солятся в строчки густо.
Но ночью или днем
подаст нам Небо знак.
Моя душа – как парк,
где холодно и пусто...

2.

А тридцать лет спустя –
другие вкус и цвет,
другие времена
и поводы к злословью.
Привычки поменяв,
как марку сигарет,
мы платим за любовь
извечной нелюбовью.

А тридцать лет спустя
блаженствует тоска.
Расставлены давно
все паузы и точки.
И только легкий взмах
кленового листа
не позволяет ждать
от вечности отсрочки

моим пустым годам,
что сгинут, обретя
формат напрасных слов,
которых не исправишь.
Но как мне пережить,
что тридцать лет спустя
бродячий музыкант
души коснулся клавиш?..

И станет часом – миг.
И под обвал дождя,
в предчувствии любви,
где быль сплелись и небыль,
мы встретимся с тобой.
И тридцать лет спустя
укроемся от всех
безумствующим небом...

2014 г.

* * *

Мне слова еще Бог даст,
строчки выпишет наперед,
прежде чем почерневший наст
переполнит умолкший рот.

Мне подбросит Господь тем,
и созвучий, и легких рифм,
как волна кораблю, перед тем,
как ударить его о риф.

Мне подарит Всевышний любовь,
затвердевшую, как янтарь,
или жертвенно выльет кровь
на мелодий и строк алтарь...

2014 г.

Ретро

Пусть сегодня листва умирает от ветра,
пусть уже ничего не вернуть, не исправить.
С каждым годом дороже становится ретро.
Ретро-песни и книги вернут ретро-память.

Самых лучших стихов не напишешь инертно,
строчки лучшие ночью приходят, некстати.
Но какая же боль – ощутить привкус ретро
по ушедшей любви на остывшей кровати.

Наша вера в бессмертие ляжет посмертно
в послесловие звуков – ни взять, ни убавить!

Оттого и дороже становится ретро,
что останется память о прошлом.
Лишь память...

2014 г.

* * *

Эта боль ушла, уступив другой
право быть главней и болезненней.
Ты меня собой от беды укрой,
стань моей судьбой, стань поэзией.

Я бы сам укрыл – да не хватит рук,
не обнимешь все необъятное.
Ты в моей судьбе оказалась вдруг
очевидностью невероятною.

Спел бы песню я, да не знаю слов,
и ни слуха нет, и ни голоса.
Говорят, что есть на земле любовь,
но на вид она – тоньше волоса.

Как бы нам с тобой не порвать ту связь
между памятью и беспамятством.
Улетает ночь, утром становясь
между «да» и «нет» знаком равенства.

Может быть, пора сердцу на покой?
И в ладу с собой, и полезнее...
Это боль ушла, уступив другой
право быть тобой... и поэзией!

2014 г.

* * *

А за окном – мой город сер и хмур
в предчувствии начала снегопада.
Осенний день ушел на перекур.
Так отпусти его – жалеть не надо.

Пусть он пройдет зябкий, как сквозняк,
хозяином по опустевшей спальне,
в которой пыл былой любви иссяк.
Что может быть печальней и банальней

пустых обид на то, что не сбылось,
на то, что не сложились отношения?
Планета, водруженная на ось,
замедлит на мгновение движение.

А дальше – вновь по кругу. Рупь за сто
не дам, что ощущаю вечность кожей.
Моя душа, как смятое пальто,
на пол небрежно брошена в прихожей.

Чего ж ты ждал, чудака и балагур?
О чем молил коленопреклоненно?
Вслед за осенним днем на перекур
шагну в стеклянный полумрак балкона...

2014 г.

* * *

А на душе у сквера – скверно.
Он не привычен к каламбурам.
Пишу стихи красивым дурам,
хотя им наплевать, наверно,

на все словесные потуги,
на сигаретой стол прожженный.
Они сегодня чьи-то жены –
мои вчерашние подруги.

У них достаток есть и скука,
но иногда, промежду прочим,
ночами видятся им ночи,
когда любили мы друг друга.

И, разомлев от сновидений,
забыв про всех претензий тыщи,
мои стихи по книжкам ищут –
мечтаний юношеских тени.

Я их прощал, я был не гордым,
но с каждой новою потерей
стихи, рождаясь, не хотели
звучать трагическим аккордом.

Существованье – эфемерно,
отбросим прошлое, отбросим!

А просто в мир вернулась осень,
и на душе у сквера – скверно...

2014 г.

Баллада о глухоте

А она ему говорила,
что его никогда не любила.
Что спала – просто так, от скуки,
что врала про любовь – так просто.
Что все в прошлом – и дальний остров,
и манящие в вечность руки...

А она ему говорила,
что жалеет о том, что было.
Что детей не хотела вовсе,
что он выдумал беспричинно
и что лучшим он был мужчиной,
и связавшую судьбы осень.

А она ему говорила,
что пройдет незаметно мимо,
что не дрогнет ни жилка, ни голос,
даже пусть при случайной встрече,
что с другим коротает вечер,
не жалея, не беспокоясь...

Говорила она, говорила,
и словами наотмашь била.
А ему – не больней, не легче,
а ему – не громче, не тише.

Говорила она весь вечер.
Говорила, а он... не слышал.

Просто молча из комнат вышел.

2014 г.

Буратино

*...Я любил эту куклу –
набитую куклу такую...*

Александр Вулых

Девочка с волосами цвета небесной сини,
главная примадонна в труппе безумного гения,
снова волшебную музыку сыграет на клавесине,
снова наполнит душу мелодией откровения.

Я же – чурбан деревянный – буду нелепо пялиться
на мельтешение кукол в радостном хороводе.
Будут по клавишам пальцы, словно пальцы
по пальцам
нить выводить кружевную – нежную нить мелодий.

Господи, дай же мудрости – прихоти злой рубанка,
чтоб избежать соблазна (цвета ультрамарина).
Я б не любил эту куклу, накрашенную так ярко,
если бы мимо театра прошел равнодушно мимо...

2014 г.

Оптимистическое танго

Стал каждый новый день сродни
уже ушедшим безвозвратно,
галопом стрелки по часам
вершат свой кругооборот.
И лишь бенгальские огни,
как ослепительные пятна,
встречают новые мечты
и провожают старый год.

Ты о грядущем промолчи!
Душа давно лежит на плахе.
Исчезли в прошлом острова
с конкистадорских ветхих карт.
И лишь веселые грачи,
как захмелевшие монахи,
сидят на маковках церквей
и воспевают новый март.

Давно изученный уклад
не так уж, в сущности, изучен.

Какая ж все-таки напасть –
неразделенная любовь.
И лишь стреляя наугад,
как обмишурившийся лучник,
судьба стремится в цель попасть,
не разобрав, где глаз, где бровь...

Ты о пощаде не кричи!
Оставь для снов ночные страхи.
Все то, что в жизни потерял,
судьба восполнит во сто крат.
Тогда веселые грачи,
как захмелевшие монахи,
всем предсказаниям назло
тебе подарят новый март...

2014 г.

* * *

Бог не дал мне судить прав,
просто в сердце вложил слова.
Только если я вечно не прав,
значит, ты бесконечно права.

Над загадкой упрямо бьюсь
и никак не найду ответ:
отчего пред тобой винюсь,
если даже и боли нет?

Боль растаяла, словно снег,
а потом утекла ручьем.
И без разницы, чей там смех,
если мы все равно не начнем

повторять, словно дважды два,
и, тузы припрятав в рукав,
и что ты бесконечно права,
даже в том, в чем я был так прав...

2014 г.

Монолог на сцене

Где цена твоя, сцена?
С НДСом ли, без?
На какую же стену
я безумно полез?

Что же мне не хватало –
был же просто босяк.
Из какого металла
я отлит так и сяк?

Что ж, не знал себе цену,
чтобы в общей вине
я шагнул вдруг на сцену,
обманувшись в цене?

И меня, как подростка,
повело – понесло
театральных подмостков
роковое число.

Сунут в рожу букетом,
зацелуют на бис.
Быть актеру – поэтом,
словно пылью кулис...

2014 г.

Возвращение декабристов

Осень радужными листьями
заметет пролеток след.
Возвращенье по амнистии
через тридцать с лишним лет.

Ах как тихо едут лошади
по заснеженной земле.
Не узнать Сенатской площади
и в морозном декабре.

Все права вернет империя,
все пройдет – и стыд, и зло.

Лишь на память – недоверие.
Так считай, что повезло.

Рудники остались в Нерчинске,
юность сгинула в Неве.
Но считай, по-человечески –
есть гуманность на земле.

Сколько их смиренье прятало,
сколько прятали глаза,
славя волю императора
и целуя образа.

Под Тобольском, то заснеженном,
то заверченном в дожди,
спят спокойно немятежные,
одинокие вожди.

А другим досталось, раненько
в путь собравшись – жить до ста.
На погосте, на Ваганьково –
декабристские места...

2014 г.

* * *

Страшно быть прикованным к постели,
где судьбу, как боль, не превозмочь.
Страшно знать, что под напев метели
Рождества уже не встретишь ночь.

Что стихи винтажно и куражно
обретут значение свое
только там, где над крестами страшно
разорется в поле воронье.

Все, что после – в сущности, не важно,
если отпущением за грехи
лягут в души – с голоса ль, бумажно –
добрые и главные стихи...

2014 г.

* * *

Как с чистого листа, как в первый раз,
запущен механизм вдохновения.

И, кажется, польют с небес сейчас
безумные слова стихотворения.

Но Бог один – на небе, нас вокруг – тьма,
разменивающих ночи на вирши.

Пожалуй, я сегодня не дождусь письма,
Хоть завтра с okazji вышли.

Мне кажется, что богу не нужен итог.

Он сам поймет, чем он опечален.

И не всегда важнее завершение дорог –
важнее то, что было вначале.

А нас вначале грела смешная, как каприз,

любовь к словам и к знакам препинанья.

Но снова вдохновения запущен механизм.

Обрывки снов.

Реальность.

Ожидание...

2014 г.

* * *

Наша память навеяна привкусом скуки,
что оставили праздничных дней вереницы,
где листали твои обнаженные руки
ненаписанных книг ледяные страницы,

где тоска опускалась на тонкие тени
всех гирлянд и игрушек искусственной ели,
там, где с легким шуршаньем ночных приведений
разбивались шары ошарашенной Гжели,

где остались следы от колена и локтя,
сохраняясь до старого Нового года,
где суровую ложку случайного дегтя
не могли заглушить даже бочками меда.

Рождество мне причудилось запахом хвои
на пластмассовых зайчиках, в гуще винила.
Ты – Елена была, избежавшая Трои.
Может быть, лишь за это меня не любила.

Но меня не манил лабиринт Минотавра,
где в укромной пещере ждала ты в испуге.
Это было вчера. А сегодня – по давню –
наша память навеяна приступом скуки...

2014 г.

* * *

В Рождество мороз.
Но пустяк – запахну пальто
и поправлю вскользь
опостылевший теплый шарф.
А тебе-то как?
О любви-то твердит кто?
Кто поставил
на странной доске одиночества шах?

Черно-белый порядок снов
превратился в кино
на полночном экране неба,
где тени плывут скользья.
Я бы в вечную сказку
поверил и сам давно,
но не верится в то,
что представить на миг нельзя.

В Рождество мороз.
Только снега капустный хруст.
Досмотреть бы фильм до финала,
где титры плывут.
А предутренний город, как остров,
в минуты отлива – пуст.
И грустят дома, те,
в которых уже не ждут...

2015 г.

Полонез Огинского

Вам – игристого, мне – игристого.
Мы больны и душой, и телом.
Сердце рвет полонез Огинского –
между прочим ли, между делом...

Ах какая судьба – уродина,
все скрипит костылем-протезом.
Но клеветает чужая родина,
обоженная полонезом.

Написать бы хотя бы начерно,
но хотелось чего-то близкого.
Видно, свыше судьбой назначено
мне дышать полонезом Огинского...

2015 г.

* * *

Жизнь давно раздаёт не пряники.
Шаг шагнул – а почти верста.
Как хотелось вновь стать мне маленьким –
за три года до полуста.

Чтоб все горести были мелкими,
чтобы страхи – лишь данью сну.
чтобы беды – смешными белками
ловко прыгали на сосну.

Чтоб зимой надевали валенки,
чтоб поверили все в Христа.
Ах как хочется стать мне маленьким
за три года до полуста...

2015 г.

Случай в очереди

(конец 80-х)

«Мы тебя не посылали.
Сами вон стоим с обеда!
А медали – что медали?
Может, памятью от деда.

Костылями не маши ты –
ишь, какой нашелся рьяный.
Шито-крыто, шиты – крыты
кандагары и баграмы.

Мы живем не по подлянке,
чтобы спуск давать халтуре.
А нога, небось, по пьянке,
а рука, небось, по дури...»

Грязно очередь орала,
мат звенел почти железом.
Парень пятился устало,
лишь поскрипывал протезом.

Доскрипел до барной стойки,
весь оплеванно-бессильный.
Год четвертый Перестройки.
Отпускали апельсины...

2015 г.

Пьеро

Знаешь ты, что в полете снежинок заложено мудро
неизбежное таянье вечных сибирских снегов?
Мне из избранных красок милее игра перламутра,
мне всегда не хватает друзей, но с избытком –
врагов.

Снег умрет и сойдет грязной жижею
к сточной канаве.
Снег – неброский кафтан, тот, что вечностью
был перешит.
Знаешь ты, Коломбина в непрочной хрустальной
оправе,
как дрожат у Пьеро онемевшие струны души?

Нам на сцене одной было мало и места, и текста,
но когда в сотый раз выходили вдвоем на поклон,
верил искренне зал, что с тобой мы жених и невеста
и в своих недомолвках легко разберемся потом...

2015 г.

* * *

Е.М.

Я останусь, быть может, строкою в твоей биографии.
А быть может, никто даже имя не вспомнит в строке.
Только две наших тени на глянце

смешной фотографии
оживут в сотый раз и монеткою канут в реке,

чтоб вернуться нам вновь в этот вечер,
в кафе у вокзала,
где случайно такси подлетит второпях на вокзал,
где останется боль от того, что ты мне не сказала
сотой доли того, что тебе про тебя я сказал.

Я играю словами – паяц, вечный раб орфографии,
не умеющий толком и тень наводит на плетень.
Только рожцы наши на глянце
смешной фотографии
оживают опять, возвращая потерянный день...

2015 г.

Книгообмен

Понятие «книгообмен» вошло в жизнь в конце
восьмидесятых годов прошлого века. На
книжных полках еще стояли тома классиков
марксизма-ленинизма и какие-то научные работы,
разъясняющие преимущества социализма перед
капитализмом. А рядом, в стеклянной витрине с
вызывающей надписью «Книгообмен», лежали,
недоступные для прикосновения, сборники
Владимира Высоцкого «Нерв» и «Четыре четверти
пути».

Я подошел к витрине расслабленной походкой
бывалого «менялы».

– На что обмениваем?

Профессионально посмотрев мимо, продавщица
буркнула:

– На детективы. Желательно Агату Кристи...

Долгожданная перемена.
Словно к прошлым годам поправка.
У витрины «книгообмена»
целый день настоящая давка.

Перемена к лучшему вроде,
но на сердце странная горечь –
без сомненья, сегодня вы в моде.
Вот и слава, Владимир Семеныч!

Коль при жизни слыл неугодным,
подвергаясь нападкам дружным,
после смерти – становишься модным,
после смерти – становишься нужным.

После смерти – не сдержишь лавину!
Кто ругал – сразу стал поклонником.
А при жизни в глаза и в спину
называли лишь алкоголиком.

Я прошу, этой славе – не верьте!
В ней святого найдется едва ли...
Вас обменивают после смерти
так, как прежде, при жизни меняли.

Не излечишь сердечной раны
от людишек мелкой корысти.
Ваши книги идут за романы –
детективы Агаты Кристи!

И от этого страшно неволью.
И на сердце – горькая горечь.
Знаю: как бы мне не было больно,
Вам больнее, Владимир Семеныч...

1988 – 2015 гг.

Ветеран

*В декабре есть еще одна дата,
Без отметки на календаре.
Я тебя целую, как брата,
На кабульском, чужом дворе...*

Из песни

Он молчит и горбит плечи,
словно холодом подуло.
Расставания и встречи –
от Баграма до Кабула.

И подсвеченные полосы
для уставшего «тюльпана»,

пацанов седые волосы
и гортанный крик душмана.

Дотянуть бы до Ташкента,
а не то опять утрата.
РПК – пустая лента,
и на всех одна граната.

И приказ уйти без боя,
Вертолет – по расписанию.
То же небо голубое,
как когда-то над Рязанью.

Не успеть за адресатом –
далеко живет столица.
А по мирным медсанбатам
кровь с чужой войны струится.

Мало ль горя мы видали?
С неба снега сыпят хлопья.
Опоздавшие медали.
Молчаливые надгробья...

1995 – 2015 гг.

Остров Крым

Я не хвастаюсь своим
обаяньем пилигрима.
Может, был я нелюбим,
но вдыхал я воздух Крыма.

И когда любовь ко дну
уносили вдруг сирены,
видел райскую волну
в обрамлении из пены.

Я – слуга и господин,
я – Пьеро и Арлекино.
Может, был я нелюдим,
но я помню запах Крыма.

Деревянный истукан,
что, ожив, благоговейно

поднесет к губам стакан
с кровью крымского портвейна.

И, растроганный до слез,
полечу уже без визы
в мир, в котором грусть берез
заменяли кипарисы...

2015 г.

Цыганочка на Казанском вокзале

Заневестилась, а года – рекой.
Опадает ночь черной шалью.
Наплевать на всё да махнуть рукой!
Только вот зачем-то мне жаль ее...

По брусчаточке около Кремля –
топоток каблучков несокошенных.
Не в корысть любовь – лишь здоровья для
да до губ ее перекошенных.

А в Москве – бардак, а в стране – беда,
пьем с подонками, спим со швалью.
Заневестилась. А бежать куда?
Опадает ночь черной шалью...

Эх, раз, еще раз,
слезы брызнули из глаз!
Началась бы тут потеха –
да от блуда бог не спас...

На Казанском – тьма. Спят бомжи в грязи.
И ни счастья нет, ни везения.
Отчего у нас на святой Руси
даже ложь – и та во спасение?

Опьянеть бы мне, да не пью давно,
рюмки звонкие, скатерть – кружевом.
Заневестилась. Только жизнь – оно...
Даже рядом с ним – с милым, суженым.

Чебурек в руке, а в другой – хурма.
Все – славянское, все без пакости.

А китайская чудо-хохлома
нам для радости, лишь для радости...

Эх, раз, еще раз,
то ль – нирвана, то ль – экстаз.
Бесполезная затея –
рассмешить до смерти вас!

Подготовилась, только конкурс – крут.
Мамке правду-то написала?
МГУ, МГИМО, Щепкин-институт –
заневестились у вокзала.

А домой – никак, а домой – куда?
На глаза ли лезть пьяни-отчиму?
А в «эскорте» все ж и едой – еда,
и копейка есть к всему прочему...

Заневестилась, но куда же плыть
не своей судьбой – самозванскою?
То ли песню петь, то ли сухой выть,
то ли слыть сиротой казанскою...

Эх, раз, еще раз,
натурально, без прикрас.
Может, где-то все иначе,
чем случается у нас?..

2015 г.

Странный сон о Гражданской войне

Пронесется в синеве небесный всадник,
но не сможет зацепить земли копытом.
Помню крашенный цветочный палисадник,
под которым я лежал в пыли убитым.

И вздыхали надо мною две еврейки,
что не знали в Оренбурге о погромах.
Это было в темных улицах Сырейки,
где роса слезой блестела на погонах.

Я лежал в пыли и знал, что дело – крышка,
что с судьбою не сыграть мне больше в жмурки,

что стрелял в меня ремесленник-мальчишка
с алым бантиком на кожаной тужурке.

Не был красным я и белым тоже не был,
на маёвках не точил напрасно лясы.
Кто же знал, что под яицким синим небом
станут прокляты казачьи лампасы?

Тех, кто смог спастись, потом настигла «вышка»,
а потом других за прочими, за следом.
Знаю только, что ремесленник-мальчишка
оказаться мог вполне моим же дедом...

2015 г.

Несбывшиеся прогулки

Погулять с Гиляровским по улицам старой Москвы,
до земли поклониться цветаевской красной рябине.
Только тех переулков уже не отыщешь, увы...
Только ягод морозных все меньше и меньше отныне...

Город рано проснется, разбуженный шорохом шин,
как когда-то весной просыпался от грома раскатов.
А с Алтая еще не приехал Василий Шукшин
и в пивную на угол не вышел Сережа Довлатов.

Оттяни это время. Ты только непрошенный гость,
что шагнул из грядущего в прошлого вязкую полночь,
где не бросил Есенин в свое отражение трость,
где еще над Таганкой летает Владимир Семеныч.

Обгони это время. Мы все превращаемся в прах.
Наши тени хранят необъятной Москвы переулки.
И несбывшейся памятью лишь иногда, второпях
остаются в истории странные эти прогулки...

2015 г.

* * *

Опровергнув слухи и пророчества,
был судьбой доволен я весьма.
Тайный свой подарок – одиночество –
щедро подарила мне зима.

Как чумной, я радовался свежести
пробуждений ранних в тишине
и ни капли не жалел о нежности,
что могла б, но не досталась мне.

И в который раз, уже на творчество
сделав ставку главную всерьез,
я крестом тяжелым одиночество
за спиною по сугробам нес.

Не было в шагах моих поспешности,
и болели шрамы на спине.
Вот тогда я вспоминал о нежности,
что могла б, но не досталась мне...

2015 г.

Ностальгия по старым соседям

Ах эти кухоньки хрущевские,
прихожки малогабаритные,
где разминуться не получится
соседям двум – не то что трем.
Вокруг давно уже построены
дома высотные, элитные,
в которых мы не помещаемся,
а потому и не живем.

Не помещаемся – квадратными
в наш ордер вписанными метрами,
не помещаемся финансово,
латая скудный свой бюджет.
Но, между нами, получается,
что за амбициями сметными
не разглядеть бывшего равенства,
и прежней дружбы словно нет.

И к соседке за солью не зайдешь по-соседски,
и сосед втихаря от жены не нальет,
и никто не утрет твои слезы недетские,
и никто, как они, твою боль не поймет...

Соседи канули в историю
микрорайонов с новостройками,

запутав визовые службы
пропиской в паспорте весьма,
пройдя этапы культа личности,
волюнтаризма с перестройкою
до надоевшей демократии,
откуда тоже нет письма.

Звучит забытая мелодия
на грампластиночке виниловой
и хрипотцою от иглолочки
тревожит памятью нам слух.
Ах наши кухонки хрущевские,
прихожки – четверть с половиною,
где на скамейках бойко бабушки
тебя обсудят громко вслух.

Где к соседке за солью зайдешь по-соседски,
и сосед от жены потихоньку нальет,
и подлечат души твоей раны недетские,
и никто, как они, твою боль не поймет...

2015 г.

* * *

Абдулле

Сирийский принц работает таксистом.
И, наплевав на происки молвы,
Сподобится, как тот ямщик, со свистом
вас прокатить по улицам Москвы.

Покуда вы глаголете, мессии,
о том, что не случится наяву,
сирийский принц – слуга дорог России –
покажет вам вечернюю Москву.

Не чуждый водке и знакомый с матом,
рванет на красный свет и под «кирпич»
сирийский принц, который стал мне братом,
который по призванию – москвич!

2015 г.

Саласпилс

Саласпилс – лагерь смерти на территории современной Литвы. В годы Второй мировой войны в этом лагере фашисты ставили медицинские опыты над узниками, в основном над детьми.

Белый снег, ослепительно белый, белый
зачарованно ляжет в корзине бумажной.
Эту девочку, может быть, звали Беллой,
а быть может, Машей, но это не важно...

Стук-стук-стук каблучки...

Мир весною наполнен безумием марта,
что ручьями пробьет снежный наст отважно.
Эту девочку, может быть, звали Марта,
а быть может, Катя, но это не важно...

Стук-стук-стук каблучки...

Я в безумие в это поверю, что ли?
А быть может, век отпадет миражно.
На ресницах снов – эхо детской боли.
Я не знаю про них, но это страшно...

Стук-стук-стук каблучки...

И когда мне сегодня в безумном рэпе
кто-то выкрикнет вслух о фашизме куражно,
постучится мне в сердце праведный пепел.
Вот тогда будет страшно.
Воистину страшно!

Стук-стук-стук сапоги...

2015 г.

Че

Судьба в цитатах и монологах

Вячеславу Моисееву

*Вся Латинская Америка беременна
революцией...*

Эрнесто Че Гевара

Морали нет, есть только красота...

Борис Савинков (В. Ропшин)

Авторская встреча с поэмой

Мы, спорящие о происхождении
от приматов или ребра Адамова,
бросившиеся в религию
или в отрицание оной,
как обессиленно бьемся,
чтоб мир перестроить заново,
как заменяем флаги
распятием и иконой.

Всё отрицать готовые,
ни в чем не увидев смысла,
храмы с земли стираем,
чтобы расчистить ристалища,
ищем пути отхода
от веры до анархизма,
но по пути, как правило,
лишь оставляем кладбища.

Нам на скрижалях истории
не приготовили места.
Мы – лишь подранки вечности,
готовые стать золою.
Вечером в мою комнату
входит сеньор Эрнесто,
смотрит в глаза мои пристально
и говорит со мною...

Мальчишкой я слушал легенды о его подвигах. Он и сам был мальчишкой в свои тридцать семь лет. Тридцать семь – возраст поэтов. Революционеры не сентиментальны. Знаменитая оливковая форма, красивая черная борода, неизменный берет.

Через шесть лет после его смерти генерал Аугусто Пиночет совершит государственный переворот в Чили.

О Сальвадоре Альенде, Викторе Хара и Пабло Неруде я знал гораздо больше, чем об Эрнесто. Я, юный и максимально влюбленный в этих людей, начал писать свои первые революционные зонги...

Песня взвьется флагом в эфире.
С каждой минутой – глуше гитара.
Просит нас помнить трагедию Чили
голос бессмертного Виктора Хара.

Треск автоматов песню заглушит,
может певец, вдруг упав, не подняться.
Но не пытайтесь убить наши души –
душам с землей никогда не сровняться.

Важно стать первым, нужно быть первым.
Пусть нас пытаются опять в Сантьяго.
Те, кто ударят нас током по нервам,
видеть не могут красного флага.

Он же взметнется все выше и шире,
Он не боится огня и удара,
Просит нас помнить трагедию Чили
голос живущего Виктора Хара...

Помнится, я даже вынашивал замысел о поэме, где главными героями были Сальвадор и Виктор. Много лет спустя я узнал, что с приходом к власти Пиночета Чили поднялась экономически, опровергнув тем самым идею о равенстве и братстве.

Но рядом незаметной тенью существовал другой человек. У него было длинное и красивое имя – Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна. Этот человек входил в мою комнату, садился в кресло и говорил...

«Вы застыли, художники –
дети корысти –
в тени мольберта...
Вы не напишете,

как отрубали
кисти рук у поэта.

Славные дети –
дети иллюзий,
ночных поллюций,
вам не познать
ни душою, ни телом
оргазм революций.

Маркс молодой
начудил
между словом и делом.
Только призрак
в Европе ходил.
И что он там делал?»

Легендарная личность, он сам распространял легенды про себя. Вот одна из них... После успешного переворота на Кубе и изгнания американского ставленника президента Батисты Фидель Кастро обратился к соратникам с вопросом: «Есть ли среди нас хотя бы один экономист?» Гевара поднял руку – ему послышалось «коммунист»... Моментально он был назначен на должности директора национального банка и министра промышленности нового государства.

«Революция кровью питается с рук
онемевших мещан.
Я, увидевший страх в их глазах, вдруг
потерял уваженье к вещам.

Липкий пот утирали менялы с лица,
перед сейфами падая ниц,
за холодной спиной золотого тельца
я не видел их лиц.

В старом мире одни лишь тени –
без различий и без нюансов.
Ах как я ненавидал деньги,
став министром финансов!»

*После революции работу делают
не революционеры.
Ее делают технократы и бюрократы.
А они – контрреволюционеры.*
Эрнесто Че Гевара

Куба стала его случайной любовью. Вечной любовью оставалась далекая Россия, точнее – Советский Союз. Он, идеал сотен тысяч кубинцев, был по происхождению аргентинцем. Отсюда и приставка к имени – Че, распространенная на его родине, но ставшая неоспоримым брендом одного-единственного человека.

«Куба! Я не впитал твою страсть
с молоком матери.
Фидель, какая напасть –
мы оба спятели.

Вспомните, команданте Фидель
и команданте Гевара,
кто подсказал нам модель
земного шара –

нового, без оков,
в экстазе дружном?
Фидель! Без дураков!
Я стал ненужным?!»

Он действительно верил в коммунизм. Он любил Советский Союз с детства, когда родители слушали по радио новости о боях под Сталинградом. Коммунизм стал его единственной религией, для воцарения которой на планете он был готов отдать жизнь.

«Девочка на моем плече
вздохнет устало,
спросит: «Милый, милый мой Че,
что ж с тобой стало?»

Девочка глупая, что за вопрос?
Я ли – не профи?
Встал у креста команданте Христос –
там, на Голгофе.

Может быть, рядом, где-то в раю
без тени цинизма
примет озябшую душу мою
сын коммунизма?»

Следующую легенду я выдумал сам. Ведь революционеры – такие же люди, как и все мы. У него была жена, были дети, которых, он, конечно же, любил. Его тоже любили многие женщины. Они не понимали, что его сердце принадлежит лишь одной – по имени Революция. Но и у революционеров случается любовь. В письмах он называл ее старухой. «Старуха! Привет! Я шлю тебе привет из Боливии». Не правда ли, это обращение что-то напоминает? Стариками называли себя российские социалисты, едва перешагнувшие сорокалетний рубеж.

«Революционеры не знают нежности,
не пишут лирических строк.
Но беда, когда по промежности
пробежит электрический ток.

Кажется, ее звали Мария,
а может быть, как-то нежнее,
когда я губами ловил впервые
пушок на девичьей шее.

Она не была похожа на девок,
которых когда-то обидел,
Она не была похожей на деньги,
которые я ненавидел...

Но она без особых затей
(что у баб за затей?)
от меня хотела детей,
а не идеи...»

Он уехал с Кубы в Конго.
На собрании коммунистов Фидель Кастро
зачитает письмо Эрнесто:
«Фидель! В этот час я вспоминаю о многом, о
том, как я познакомился с тобой. Я чувствую, что
я частично выполнил долг, который связывал
меня с кубинской революцией на ее территории,

и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим. Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания команданте, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов...»

«Я писал эти строки из чувства долга,
не стесняясь риторики грубой.
Но меня не убили в Конго,
чтоб меня оправдать перед Кубой.

Что ж, Эрнесто, к чертям – резолюции,
оправдания и истерики,
ведь беременность революцией –
это свойство Латинской Америки!»

Приступить к уничтожению сеньора Гевары.

*Президент Боливии
Рене Баррьентос Ортуньо*

«Там, где пуля – не дура,
где, хоть вой от досады,
Кебрада-дель-Юро
станет местом засады.

Нас возьмут на рассвете,
обессиленно рьяных,
чтоб расстрелянный ветер
выл от боли в бурьянах.

Чтобы солнце понуро,
словно черное дуло, –
над Кебрада-дель-Юро,
над Кебрада-дель-Юро...»

*Я благодарю его за то, что он попытался
и не смог сделать в своей родной стране,
потому что он был словно цветок,
преждевременно сорванный со стебля...*

Фидель Кастро

Авторское прощание с поэмой

От Парижа и до Ямайки,
от Москвы до Мадагаскара
раскушайте нательные майки
с брендом прибыльным «Че Гевара».

Раскушайте значки и майки.
Распродажа – на самом деле!
Что твердить вам, сытые янки,
об Эрнесто и о Фиделях!

А в любом кабаке по пьянке,
по углам разбившись на пары,
даже девочки-лесбиянки
носят майки с лицом Гевары.

Мы – зарытые безымянно
там, где черти курить не просят,
кровоточим открытой раной...
Вам плевать, кто и где нас носит?..

2014 – 2015 гг.

Содержание

«Однажды облако свело...»	3
«Разменивая жизнь на «чёт» и «нечет»...»	4
«Пусть время правду превращает в ложь...»	4
Афган	5
«Безвременью сопутствует безверье...»	6
Королевство кривых зеркал.....	7
«Мои года, как птицы, пронеслись...»	7
Монолог актрисы.....	8
«Когда уже неумоготу...»	9
Разговор	10
Монолог человека в камере смертников в ночь перед расстрелом.....	12
«Я часто сам себе противоречу...»	13
Красавица	13
Мой бог	15
Время	16
Бог	17
«Когда-нибудь, устав от неизбежности...»	18
«Когда-нибудь я к вам вернусь другим...»	18
«Зарево осеннего пожара...»	19
Баллада об аистах	20
Гадалка	21
Одиночество	22
Ненаписанные стихи	22
Грустное пророчество	23
«Волосы, как лен...»	24
Зеркала.....	25
Вдохновение	26
Сердце на ладони.....	26

Сказка о Свободе	27
Святая ложь	27
«Можно допеть до оваций...»	28
Миражи	29
«В каком-нибудь две тысячи восьмом...»	29
«Не отыщется вовек днем с огнем...»	30
«Не хочу похорон...»	30
Прошлое	31
Современный Фауст.....	32
Поэзия	33
«На перепутье слёз...»	34
«А браги больше нет...».	35
Марш погибших танкистов	35
Политкорректность	36
«Измочалены, как купюры...»	37
«Тоскою душу ли свело...»	38
Сентиментальное танго.....	39
Посвящения друзьям-поэтам	40
Сага	42
«Ты об этом и слушать не хочешь, верно...»	42
Святки.....	43
Книга.....	44
Баллада об упущенном мгновении	44
«Не в сомнениях суть, а в дарованном временем опыте...»	45
Питер	46
Снежная королева	47
«Я читал стихи дуракам...»	48
Марина Цветаева	48
Сто лет одиночества.....	49
Лилечка.....	50
Письма.....	52
«Знаешь, девочка, только в бреду...»	52
«Вот и представьте, люди, как я был опечален...»	53
«Я – недоступен, а значит – понятен...»	54
Тридцать лет спустя	54
«Мне слова еще Бог даст...»	56

Ретро	56
«Эта боль ушла, уступив другой...»	57
«А за окном – мой город сер и хмур...»	57
«А на душе у сквера – скверно...»	58
Баллада о глухоте.....	59
Буратино	60
Оптимистическое танго.....	60
«Бог не дал мне судить прав...»	61
Монолог на сцене.....	62
Возвращение декабристов.....	62
«Страшно быть прикованным к постели...»	63
«Как с чистого листа, как в первый раз...»	64
«Наша память навеяна привкусом скуки...»	64
«В Рождество мороз...»	65
Полонез Огинского.....	65
«Жизнь давно раздает не пряники...»	66
Случай в очереди	66
Пьеро	67
«Я останусь, быть может, строкою в твоей биографии...»	68
Книгообмен.....	68
Ветеран.....	69
Остров Крым	70
Цыганочка на Казанском вокзале	71
Странный сон о Гражданской войне	72
Несбывшиеся прогулки	73
«Опровергнув слухи и пророчества...»	73
Ностальгия по старым соседям	74
«Сирийский принц работает таксистом...»	75
Саласпилс	76
Че. Поэма...	77

Алексей Анатольевич Хальзунов
Несбывшиеся прогулки

Рецензент Виталий Молчанов
Литературный редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Оформление серии – Василий Денисов

Подписано в печать 19.08.2015 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15.

Тираж 200 экз. Заказ № _____.